

Забывший поэт. Владимир Владимирович Набоков nabokovvladimir.ru
Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке
<http://nabokovvladimir.ru/> Приятного чтения!

Забывший поэт. Владимир Владимирович Набоков

1

В 1899 году в грузном, уютно ватном Петербурге видная культурная организация – «Общество поощрения русской словесности» – решила торжественно почтить память поэта Константина Перова, скончавшегося за полстолетия до того в пылком возрасте двадцати четырех лет. Перова называли русским Рембо, и хоть французский юноша превосходил его одаренностью, уподобление не было вовсе несправедливо. Всего восемнадцати лет он написал свои замечательные «Грузинские ночи» – длинную, бессвязную «эпическую грезу», некоторые пассажи которой как бы прорывают завесу своего традиционно восточного убранства, создавая небесный сквозняк, от которого прямо между лопаток читателя вдруг возникает ощущение истинной поэзии.

Следом, три года спустя, вышел томик стихов: Перов увлекся кем-то из немецких философов, и несколько пьес этого тома производят печальное впечатление из-за нелепых потуг сочетать неподдельный лирический спазм с метафизическим объяснением мира; но остальные еще и сейчас живы и необычайны как в те дни, когда этот странный юноша шерстил русский словарь и сворачивал привычным эпитетам шеи, заставляя поэзию вопить и захлебываться, а не чирикать. Большинству читателей более по душе те из его стихов, в которых восхитительный вихрь невразумительного красноречия, о коем один критик сказал, что оно «не указывает врага, но наполняет нас жаждою битвы», выражает идеи равенства, столь характерные для России пятидесятих годов. Я же предпочитаю более чистую и одновременно ритмически более сложную его лирику, – скажем, «Цыгана» или «Нетопыря».

Перов был сыном мелкого землевладельца, о котором известно лишь, что он покушался в своем именье под Лугой выращивать чай. Большую часть времени, проведенного юным Константином в Петербурге (прибегнем к интонации биографических писаний), он потратил на неопределенное хождение в университет, а затем на неопределенные же поиски чиновничьего места; в сущности, о его занятиях известно немного, – помимо тех пустяков, которые можно дедуктивным путем вывести из общих склонностей его круга. Одно место в письме прославленного поэта Некрасова, как-то столкнувшегося с ним в книжной лавке, рисует нам образ угрюмого, неуравновешенного, «неуклюжего и пылкого» юноши с «детским взором и плечами возчика мебели».

Он упоминается также в полицейском донесении как «вполголоса совещающийся с двумя другими студентами» в кофейне на Невском. А его сестра, вышедшая замуж за рижского купца, как говорят, сожалела о бурных романах поэта с прачками и белошвейками. Осенью 1849 года он навестил отца, намереваясь просить денег на поездку в Испанию. Отец, отличавшийся простотою душевных движений, дал ему лишь пощечину; несколько дней спустя, бедный юноша утонул, купаясь по соседству в реке. Его платье и полуобгрызанное яблоко нашли под березой, тела же отыскать не сумели.

Слава ему выпала вялая: отрывок из «Грузинских ночей» – вечно один и тот же во всех антологиях; неистовая статья радикального критика Добролюбова (1859), восхваляющая революционные околичности самых слабых его стихов; сложившееся в восьмидесятых общее представление, что реакционная среда чинила препоны чистому, пусть и бессвязному отчасти таланту, а там и вовсе его заела, – вот, пожалуй, и все.

В девяностых годах, вследствие оздоровления поэтических интересов, совпавшего, что порою случается, с эрой суровой и скучной политики, вокруг поэзии Перова затеялась суeta повторного узнавания, – а со своей стороны, и либеральные деятели были не прочь подхватить добролюбовские обиняки. Весьма успешно прошла подписка на возведение памятника Перову в одном из публичных парков. Крупный издатель, соединив все доступные крохи сведений о жизни Перова, выпустил полное собрание его сочинений в одном приятно увесистом томе. Ежемесячники напечатали несколько ученых статей. Памятный вечер в одном из лучших залов столицы собрал большую толпу.

2

За несколько минут до начала, когда ораторы еще сходились в расположенную за

Забытый поэт. Владимир Владимирович Набоков nabokovvladimir.ru сценой комнату юбилейного комитета, дверь распахнулась, впуслав кряжистого старика в сюртуке, который – на его или на чьих-то еще плечах – выдывал лучшие времена. Нисколько не внимая упредительным крикам двух студентов с лентами на рукавах, облеченных властью служителей и пытавшихся его задержать, он с замечательно достойным видом приблизился к столу устроителей, поклонился и произнес:

– Я – Перов.

Мой друг, почти вдвое старший меня и оставшийся ныне единственным живым свидетелем тех событий, рассказывал мне, что председатель (редактор газеты, обладавший немалым опытом обращения с чудачливыми приставалами), не подняв глаз, сказал: «Гоните его в шею». Никто этого делать не стал, – возможно, оттого, что каждый склонен к определенной учтивости при обращении со старым и предположительно очень пьяным господином. Старик присел к столу и, выбрав самого тихого на вид человека – Славского, переводчика Лонгфелло, Гейне и Сюлли-Прюдома (а впоследствии члена террористической группы), – деловито осведомился, собраны ли уже «деньги на памятник», и если собраны, когда ему можно их получить?

Все свидетельства сходятся в том, что свои притязания старик излагал удивительно мирно. Он не напирал. Он просто заявлял их, как бы вовсе не сознавая возможности того, что ему могут не поверить. Поразительно и все же, сидя в той уединенной комнатке, окруженный личностями, столь значительными, еще только в самом начале всей этой странной истории, он, со своей патриархальной бородой, выцветшими глазками и носом картошкой, умиротворенно расспрашивал о доходах предприятия, не давая себе решительно никакого труда привести хотя бы такие доказательства, какие с легкостью мог подделывать заурядный самозванец.

– Вы что же, родственник? – спросил кто-то.

– Я – Константин Константинович Перов, – терпеливо сказал старик. – Мне, впрочем, дали понять, что в зале присутствует младший член нашей семьи, да что-то нигде его не видно.

– А лет вам сколько же будет? – спросил Славский.

– Мне семьдесят четыре года, – ответил старик, – я пострадал от нескольких недородов кряду.

– Вам, разумеется, известно, – заметил актер Ермаков, – что поэт, чью память мы чтим сегодня, утонул в Оредежи ровно пятьдесят лет назад.

– Вздор, – резко ответил старик. – Я разыграл эту комедию, имея на то свои причины.

– А теперь, сударь мой, – сказал председатель, – вам и вправду лучше уйти.

Они и думать о нем забыли, едва только выпорхнув на резко освещенную сцену, где еще один стол, длинный, покрытый торжественной красной тканью, с нужным числом кресел за ним, давно уж завораживал публику блеском традиционного графина. По левую сторону от стола красовался писанный маслом портрет, ссуженный Шереметевской галереей: он изображал двадцатидвухлетнего Перова – смуглого, романтически растрепанного молодого человека в рубашке с открытым воротом. Подпорку благочестиво укрывали цветы и листья. На авансцене высилась кафедра, также с графином, за кулисами ожидал выезда перед началом музыкальной программы концертный рояль.

Зал заполняли литераторы, просвещенные адвокаты, гимназические учителя, ученые-словесники, восторженные студенты обоих полов и тому подобный люд. Имелось тут и несколько полицейских осведомителей, рассаженных по укромным углам, – правительство на опыте знало, что самые степенные культурные сборища обладают странным обыкновением внезапно оборачиваться оргией революционной пропаганды. То обстоятельство, что одно из первых стихотворений Перова содержало завуалированный, но одобрителный намек на возмущение 1825 года, требовало принятия определенных предосторожностей, ибо неизвестно, что могло приключиться после публичного произнесения таких, к примеру, строк: «сибирских пихт угрюмый шорох с подземной сносится рудой».

Забывший поэт. Владимир Владимирович Набоков nabokovvladimir.ru
Как сказано в одном из газетных отчетов: «вскоре почудилось, что смутное подобие скандала на манер Достоевского (подразумевается известная балаганная сцена в „Бесах“) нагнетает в зале обстановку неловкости и тревоги». Дело в том, что старик неспешно последовал на сцену за семью членами юбилейного комитета и попытался усесться вместе с ними за стол. Председатель, главная забота коего состояла в том, чтобы избежать публичной потасовки, приложил все усилия, дабы заставить старика отступить. Состроив на показ залу любезную улыбку, он прошептал патриарху, что вышвырнет его вон, ежели тот не отпустит спинку кресла, которую Славский – с безмятежным видом, но проявляя железную хватку, – тихом выворачивал из шишковатой старческой лапы. Старик не сдался, однако потерпел поражение и остался без места. Тогда он огляделся, заметил за кулисой рояльный табурет и преспокойно выволок его на сцену за долю секунды до того, как руки скрытого от публики служителя попытались вырвать табурет и вернуть обратно. Старик уселся несколько вбок от стола и немедленно стал экспонатом номер один.

Тут члены комитета совершили роковую ошибку, снова забыв о нем; они, это следует повторить, более всего были обеспокоены тем, чтобы избежать неприятной сцены; к тому же несносного компаньона наполовину скрывала от их глаз стоявшая близ портрета голубая гортензия. К несчастью, публика видела старика более чем отчетливо: видела, как он усаживался на свой невзрачный пьедестал (постоянным поскрипываньем намекавший на способность вращаться), как открывал очешник и по-рыбьи дышал на очки, – совершенно спокойный, невозмутимый, – видела маститую главу, поношенный черный сюртук и штилеты с резинками, одновременно приводящие на ум и нуждающегося русского профессора, и преуспевающего русского гробовщика.

Председатель, вставши за кафедру, начал вступительную речь. Шепот зыбью прошел по залу, – всем, натурально, хотелось узнать, кто этот достойный старик. Утвердив на носу очки, и упершись в колена ладонями, он несколько времени вглядывался, оборотясь, в портрет, затем отвернулся от него и обозрел первый ряд. Ответные взоры не могли не сновать между лысистой его лысиной и кудрявой главой на портрете, ибо за время долгой председательской речи подробности вторжения распростирались по залу, и чье-то воображение уже принялось тешиться мыслью, что поэт почти легендарной поры, уютно приписанный к ней учебниками, анахроническое существо, живое ископаемое в сетях невежественного рыбака, Рип-ван-Винкль в некотором роде, впав в тусклое старческое слабоумие, и впрямь забрел на вечер, посвященный его юной славе.

– ...так пусть же имя Перова, – завершая речь, говорил председатель, – никогда не забудется мыслящей Россией. Тютчев сказал, что наша страна вечно будет помнить Пушкина, как первую свою любовь. Относительно Перова мы можем сказать, что он был первым опытом русской вольности. На поверхностный взгляд эта вольность сводится к поразительной щедрости поэтических образов Перова, взывающей более к художнику, нежели к гражданину. Но мы, представители более трезвого поколения, склонны раскрывать для себя более глубокий, более жизненный, более гуманный и общественный смысл таких его строк, как:

Когда в тени кладбищенской стены
укрыт последний снег, и ворона
соседская кобылка отдает
мгновенной синевой в мгновенном блеске
апрельского слепительного дня,
и в негритянских пригоршнях Земли
лучатся лужи сколками небес, –
душа бредет в разодранном плаще
к слепым, бездольным, темным, к тем, кто гнет
вседневно спины в кабале у толстых,
чьи очи от забот и вожделий
поблекли и уже не зрят проталин,
ни синей лошади, ни чудотворной лужи.

Взрыв рукоплесканий приветствовал эти строки, но внезапно хлопки прервались, сменные всхлипами неуместного смеха; ибо, пока председатель, в котором еще вибрировали только что произнесенные слова, возвращался к столу, бородастый незнакомец встал и поблагодарил аплодирующих, резко кивая и нескладно маша руками, вид его выражал смесь вежливой признательности с некоторым раздражением. Славский и двое служителей произвели отчаянную попытку спровадить его, но в глубине зала поднялся крик: «Позор, позор!» и «А-ставь-те-ста-ри-ка!».

В одном из отчетов мне попало предположение, что среди публики имелись у

Забывший поэт. Владимир Владимирович Набоков nabokovvladimir.ru старца сообщники, я, впрочем, думаю, что такой поворот в достаточной мере объясняется состраданием толпы, возникающим с тою же внезапностью, что и ее озлобление. «Старик», при том, что ему пришлось бороться сразу с тремя, ухитрился сохранить замечательное достоинство повадки, и когда те, кто без особого рвения напал на него, отступились, и он поднял опрокинутый в схватке табурет, по залу прошел довольный шумок. Вот только атмосфера вечера была испорчена безвозвратно. Самые молодые и разухабистые из публики уже буйно веселились. Председатель, подрагивая ноздрями, налил себе стакан воды. Двое осведомителей украдкой переглянулись из двух углов зала.

3

За речью председателя последовал отчет казначея касательно сумм, полученных от многочисленных учреждений и лиц на возведение памятника Перову в одном из пригородных парков. Старик неспешно извлек из кармана клочок бумаги и огрызок карандаша, приладил листок на колено и принялся записывать называемые цифры. Затем на сцене на миг появилась внучка перовской сестры. С этим номером программы устроителям пришлось изрядно повозиться, поскольку особу, о которой идет речь, – толстую, с выпученными глазами, восковобелую молодую даму – лечили от меланхолии в приюте для душевнобольных. Всю в трогательно розовом, с перекошенным ртом, ее на мгновение показали публике и тут же быстро увлекли назад – в крепкие руки предоставленной заведением полногрудой женщины.

Между тем Ермаков в ту пору баловень театралов, что-то вроде души-тенора драматической сцены начал шоколадным голосом читать монолог князя из «Грузинских ночей», и тут стало ясно, что даже самых рьяных его поклонников больше интересует реакция старика, чем красоты исполнения. При строках:

Когда металл бессмертен, где-то есть
на свете пуговка, – я обронил ее
в саду, гуляя на седьмом году.
Найди ее, пусть сведает душа,
что ждет ее, как всякую иную,
спасение и благодный приют.
в выдержке старика наметилась первая трещинка и, медленно развернув пространный платок, он смачно высморкался, – со звуком, от которого густо затененные, алмазным блеском горящие глаза Ермакова закосили, точно у оробелого боевого коня.

Платок вернулся в складки сюртука и лишь через несколько секунд после того в первом ряду заметили, что из-под очков старика льются слезы. Он не пытался их утереть, хоть несколько раз рука его с растопыренными, словно клешня, пальцами поднималась к очкам, и падала снова, как если бы он опасался (совершеннейшая из деталей всего утонченного шедевра), что всякий подобный жест привлечет внимание к слезам. Громовые овации, следовавшие за чтением, определенно в большей мере относились к исполнительскому мастерству старика, чем к стихам в передаче Ермакова. И едва они смолкли, старец поднялся и вышел на край сцены.

Комитет не пытался остановить его – по двум причинам. Во-первых, председатель, доведенный до отчаяния возмутительным поведением старика, ненадолго отлучился, чтобы отдать некоторые распоряжения. Во-вторых, кое-кого из устроителей понемногу одолевала смесь странных сомнений, так что, когда старик оперся на кафедру, на зал пала полная тишина.

– И вот слава, – сказал он голосом столь сиплым, что из дальних рядов закричали: «Громче, громче!».

– Я говорю, вот она – слава, – повторил он, хмуро оглядывая публику сквозь очки. – Два десятка бездумных виршей, слова, годные только скакать и звякать, и тебя помнят, будто ты пользу какую принес человечеству! Нет, господа, не обольщайтесь. Наша держава и трон царя-батюшки еще стоят, в неуязвимой их мощи, аки застывший перун, а заблуждавшийся юноша, полвека назад маравайский бунтарские стишки, ныне стал законопослушным стариком, уважаемым порядочными согражданами. Стариком, позвольте добавить, нуждающимся в вашей поддержке. Я жертва стихий: земля, которую я вспахал в поте лица своего, агнцы, вспоенные мною, нивы, что помавали мне золотистыми дланями...

Именно тут чета здоровенных полицейских быстро и безболезненно устранила старика. Публика только ахнула, а уж его понесли: манишка на сторону, борода на

Забывший поэт. Владимир Владимирович Набоков nabokovvladimir.ru
другую, манжета висит на запястье, но в глазах – все та же добродетельная
серьезность.

Ведущие газеты, сообщая о торжествах, лишь мельком упомянули об омрачившем их
«прискорбном происшествии». Однако, скандально известная «Санкт-Петербургская
Летопись» – сенсационно-реакционный листок, издаваемый братьями Херстовыми на
потребу низесреднего класса и блаженно-полуграмотной подслои рабочего люда,
разразилась чередой статей, твердивших, будто упомянутое «прискорбное
происшествие» было ничем иным, как вторым пришествием подлинного Перова.

4

Тем временем, старика подобрал очень богатый, вульгарно чудивший купец Громов,
дом которого заполняли бродячие монахи, прощельги-целители и «погромистики».
«Летопись» брала у самозванца одно интервью за другим. Чего только не говорил он
в них о «лакеях революционной партии», мошеннически отрицающих подлинность его и
прикарманивших его деньги. Он намеревался по суду требовать эти деньги с
издателя полного собрания сочинений Перова. Спившийся словесник, громовский
приживал, указывал на сходство (к несчастью, довольно разительное) между обликом
старца и чертами лица на портрете.

На тех же страницах появился подробный, но совершенно неправдоподобный рассказ о
том, как он инсценировал самоубийство, чтобы зажить праведным христианином в
самом сердце Святой Руси. Кем он только ни был: коробейником, птицеловом,
перевозчиком на Волге, пока не приобрел, наконец, клочка земли в отдаленной
губернии. Я видел экземпляр убогой книжонки «Смерть и воскрешение Константина
Перова», одно время ее вместе с «Мемуарами Амазонки» и «Похождениями маркиза де
Сада» продавали на улицах трясушие попрошайки.

И все же лучшее, что я сыскал, роясь в старых подшивках, это расплывчатый снимок
бородатого самозванца, взгромоздившегося на мраморный пьедестал недостроенного
памятника Перову посреди облетевшего парка. Он стоит навтыжку, сложив на груди
руки, на нем круглая меховая шапка и новые калоши, но никакого пальто; у ног его
расположилась кучка приверженцев, их мелкие белые лица смотрят в камеру с
особенным лупоглазым и самоуверенным выражением, какое встречаешь порой на
старых снимках линчевателей.

В подобной обстановке напыщенного хулиганства и реакционного самодовольства
(столь неразлучной с выражением официальных воззрений в России, как бы ни звался
ее царь – Александр, Николай или Иосиф) интеллигенция едва ли смогла бы снести
ужас отождествления чистого, пылкого, революционно настроенного Перова, каким он
предстает в его стихах, с пошлым стариком, блаженно барахтающимся в живописном
свинарнике. Трагическая сторона положения состояла в том, что если Громов и
братья Херстовы на самом-то деле не очень и верили, будто предмет их увеселений
– это подлинный Перов, немало честных, развитых людей томилось невыносимой
мыслью, что ими отвергнута Истина и Правда.

Как сказано в недавно опубликованном письме Славского к Короленко: «Содрогаешься
при мысли, что небывалым в истории подарком судьбы, Лазаревым воскрешением
великого поэта, могут неблагородно пренебречь, – нет, хуже того, счесть его
дьявольской уловкой человека, чьим единственным прегрешением было полувекое
молчание да несколько минут необдуманных речей». Изложено путано, но суть ясна:
образованная Россия боялась не столько стать жертвой надувательства, сколько
совершить ужасный промах. Существовало, впрочем, нечто такое, чего она боялась и
того пуще, а именно – крушения идеала; ведь наш российский радикал готов
сокрушить что угодно, но только не какую-нибудь пустяковую побрякушку, которую
радикализм лелеет невесть по каким причинам.

Поговаривали, что на некоем тайном собрании «Общества поощрения русской
словесности» эксперты тщательно сличили множество оскорбительных посланий,
которыми старик, проявляя завидное постоянство, продолжал осыпать своих врагов,
со старым письмом, написанным поэтом в ранней юности. Найденное в одном частном
архиве, оно почиталось единственным образчиком руки Перова, и никто, кроме
ученых, вглядывавшихся в его выцветшие строки, не ведал о его существовании.
Как, впрочем, не ведаем и мы, к чему клонились их выводы.

Поговаривали еще, что удалось собрать порядочную сумму, и что к старику
обратились в обход его безобразных приятелей. По всей видимости, ему предложили
достойное помесечное пособие на тех условиях, что он вернется к своему хозяйству

Забытый поэт. Владимир Владимирович Набоков nabokovvladimir.ru и останется там в чинном молчании и безвестности. По всей также видимости, предложение было принято, ибо старик исчез с тою же внезапностью, с какою объявился, Громов же утешился, заменив утраченного любимца неким сомнительного толка гипнотизером французской выделки, год-другой спустя снискавшим кое-какой успех при Дворе.

Памятник, торжественно открытый своим порядком, стал любимым пристанищем местных голубей. Спрос на собрание сочинений к четвертому изданию благородным образом выдохся. Наконец, несколько лет спустя, самый старый, но отнюдь не самый толковый житель тех мест, где родился Перов, передал некоторой журнальной даме врезавшийся ему в память рассказ отца о найденном в речных камышах скелете.

5

Тем бы все и закончилось, если бы не пришла революция, выворачивая тучные пласты земли, а с ними беловатые проростки травы и жирных сизых червей, которых в ином случае так бы никто и не увидел. Когда в начале двадцатых в темном, голодном, но болезненно оживленном городе стали плодиться всякие странноватые культурные учреждения (вроде книжных лавок, где знаменитые, но сильно бедствующие писатели продавали собственные книги, и проч.), кто-то сумел заработать двухмесячный паек, основав музейчик Перова, что привело к новому воскрешению.

Экспонаты? Да, собственно говоря, все те же, не считая еще одного (письма). Подержанное прошлое в потрепанном зальце. Овальные глаза и каштановые кудри бесценного шереметьевского портрета (растрескавшегося по открытому вороту, что наводило на мысль о тайной попытке усечения главы); считавшийся собственностью Некрасова растрепанный томик «Грузинских ночей»; посредственная фотография сельской школы, построенной на месте дома и сада отца поэта. Забытая кем-то из посетителей поношенная перчатка. Несколько изданий Перова, расставленных так, чтобы занять побольше места.

И поскольку все эти скудные реликвии ни в какую не желали образовать счастливую семью, к ним добавили кое-какие предметы, связанные с эпохой, – вроде халата, в котором знаменитый радикальный критик расхаживал по своему обставленному в стиле рококо кабинету, и цепей, в которых он же сидел в своем бревенчатом сибирском остроге. И поскольку, повторимся, ни эти предметы, ни портреты писателей той поры не создавали потребного изобилия, посредине убогой комнаты установили модель первого русского поезда (сороковые годы, Санкт-Петербург – Царское Село).

Старик, шагнувший уже далеко за девяносто, но сохранивший внятность речи и прямизну осанки, водил посетителей с таким видом, будто был в музее не сторожем, а хозяином. Создавалось удивительное впечатление, что вот сейчас он проведет вас в другую (несуществующую) комнату, где уже накрыт для ужина стол. Тем не менее, все его достоинство образовывали крившаяся за ширмами печка да лавка, на которой он спал; впрочем, если кто-то покупал одну из книг, выставленных на продажу при входе, он надписывал ее, словно это разумелось само собой.

Потом, одним утром, женщина, носившая ему еду, нашла его на лавке мертвым. Какое-то время в музее проживали три скандальных семейства, и вскоре от его содержимого не осталось и следа. Словно некая лапища с треском выдрала кипу страниц из множества книг, или игривый сочинитель запечатал бесенка фантазии в сосуд истины, или...

Ну, не важно. Так или иначе, в следующие двадцать или того около лет Россия Перова совершенно забыла. Молодые советские граждане знают о его сочинениях не больше, чем о моих. Безусловно, настанет время, когда его опять издадут и снова полюбят; все же никак не отделаешься от мысли, что при теперешнем положении дел люди многое теряют. Гадаешь еще и о том, во что превратят будущие историки старика, и что они выведут из его поразительных притязаний. Но это, разумеется, дело десятое.

Бостон, 1944

Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке <http://nabokovvladimir.ru/> Приятного чтения!
<http://buckshee.petimer.ru/> Форум Бакши buckshee. Спорт, авто, финансы, недвижимость. Здоровый образ жизни.
<http://petimer.ru/> Интернет магазин, сайт Интернет магазин одежды Интернет магазин обуви Интернет магазин

Забывтый поэт. Владимир Владимирович Набоков nabokovvladimir.ru
<http://worksites.ru/> Разработка интернет магазинов. Создание корпоративных
сайтов. Интеграция, Хостинг.
<http://filosoff.org/> Философия, философы мира, философские течения. Биография
<http://dostoevskiyfyodor.ru/>
сайт <http://petimer.com/> Приятного чтения!